Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника

Дарья Александровна Радченко[1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Радченко, Д. А. (2019). Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника. *Фольклор и антропология города, II*(1–2), 230–255.

За последние десятилетия «войны памяти» вокруг советских и постсоветских коммеморативных объектов приобрели существенный масштаб. Одна из проблем, которые активно обсуждают горожане и представители власти — допустимость тех или иных стратегий взаимодействия с памятниками, в том числе, распространения их вернакулярных обозначений. В статье обсуждаются функции вернакулярной топонимии в нарративном пространстве города и принципы, по которым строится легитимизация «народных названий» как практики символического присвоения/освоения города.
На материале 546 случаев вернакулярной топонимии в городах России и странах бывшего СССР рассмотрено несколько сюжетов о том, как памятник трансформируется при помощи вербальной интервенции, а также физического взаимодействия с мемориалом и пространством вокруг него. Сакральность пространства приводит к тому, что из «места памяти» памятник и прилегающая к нему территория становится «местом забвения», но горожане сопротивляются этой пустоте, в том числе, посредством неформальных названий. Если взглянуть на вернакулярную топонимию не как на статичный объект из словаря «неформальной лексики», а как на практику вербальной интервенции, она оказывается способной высветить сложные отношения памятника с городом — его жителями, пространствами и историей.

Ключевые слова: памятник, мемориал, память, вернакулярная топонимия, сакральное пространство

Работа выполнена в рамках НИР «Фольклор/постфольклор в культурном пространстве города XX–XXI вв.: нарративные и поведенческие стратегии» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС.
Автор выражает благодарность Алексею Попову, Михаилу Габовичу, Иосифу Зислину, Александре Архиповой, Ольге Христофоровой, Дмитрию Доронину, Елене Ефимовой, оказавшим бесценную помощь в работе над статьей.

The women a-frying a crocodile: the right to interpret a monument

Daria A. Radchenko[1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

To cite this article:
Radchenko, D. (2019). The women a-frying a crocodile: the right to interpret a monument. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 230–255. (In Russian).

In the last decades, memory has become a particularly competitive space in Russia. Both Soviet and post-Soviet memorials are generating conflicts and discussion. One of the problematic questions is the vernacular usage of the monuments. One of the very stable practices connected with memorials as urban anchor points, however, implies rather linguistic than physical interaction — production and transmission of vernacular toponymy. Its legitimacy and the right to exceed the borders of official interpretation is widely discussed. The paper dwells upon functions of vernacular toponymy in the narrative landscape of post-Soviet cities and in the memory of their citizens.

The author interprets a number of plots concerning how a monument transforms via verbal intervention and physical interaction with the memorial and the space surrounding it, as exemplified by 546 cases of vernacular toponymy existing in Russian and other post-Soviet cities. The sacral nature of the relevant space leads to the transformation of the monument and the adjacent territory from a "place of memory" into a "place of oblivion", but the citizens resist this emptiness — by using informal toponyms, among other means. If we interpret vernacular toponymy not as some static object from an "informal lexicon" vocabulary but as a practice of verbal intervention, then said toponomy can highlight the complex relationship between the monument and the city — its inhabitants, spaces and history.

Keywords: monument, memorial, memory, vernacular toponymy, sacral space

This research has been conducted under the research project "Folklore/post-folklore in the cultural space of the city in the 20th — 21st centuries: narrative and behavioral strategies" in the Laboratory of Theoretical Folklore Studies of the School of Advanced Studies in the Humanities RANEPA.

The author expresses gratitude to Alexei Popov, Mikhail Gabovich, Joseph Zislin, Alexandra Arkhipova, Olga Khristoforova, Dmitry Doronin and Elena Efimova, who rendered invaluable assistance in the course of the research.

В 2015 году развернулось не вполне обычное судебное дело: интернет-издание «7х7» было признано виновным по статье 13.15 ч. 4 КоАП РФ[1] в публичном осквернении символа воинской славы — мемориала «Вечная слава» в Сыктывкаре. Осквернение состояло в том, что на сайте «7х7» было опубликовано «народное» название памятника — «Бабы жарят крокодила», данное ему из-за внешнего сходства венка, который несет центральная фигура женщины, с рептилией. Перед нами редкий случай, когда административное дело возбуждается по факту не физического, а вербального осквернения объекта, причем совершенного путем воспроизведения фольклорной номинации памятника. Неудивительно, что в СМИ и социальных сетях возникли бурные дискуссии о том, можно ли считать публикацию вернакулярного топонима «осквернением».

Историк Пьер Нора относит памятники к «местам памяти», подразумевая под этим «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [Нора 1999: 79]. Хотя «место памяти» — необязательно физический, локализованный в пространстве объект, материальный памятник вполне удовлетворяет этому определению. Казалось бы, ответ найден — памятник значим потому, что он воплощает собой своеобразный контейнер памяти, лежащей в основе национального единства, и именно поэтому требует защиты. Но каждое слово определения, предложенного Пьером Нора, представляет собой вызов для исследователя: является ли «место памяти» обязательно «единством»? Противопоставлены ли «места памяти» материального и идеального порядков? А главная проблема в том, какой именно «общности» принадлежат «места памяти» и существует ли она вообще? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется разобраться с тем, что такое памятник как городской объект и почему вернакулярная топонимия имеет для него такое значение.

Что такое памятник?

Историк Алоиз Ригль разделял памятники в широком смысле (включая сюда не только собственно монументы) на «задуманные как таковые», воздвигнутые в интересах определенных групп людей и существующие до тех пор, пока существует сама группа, и на «не задуманные», ценность которым придают связанные с ними воспоминания [Ригль 2018: 16–21]. Границы между этими двумя множествами размыты: памятник, задуманный как таковой, может утратить это свойство (например, в силу исчезновения заинтересованной в нем группы и идеологии, в рамках которой он воздвигнут, или из-за частичного разрушения), но приобрести свойства «памятника, не задуманного как таковой», связанные

[1] «Публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России, в том числе совершенные с применением средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети “Интернет”)». Формулировка статьи дана по базе «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/82c0a663173b440cc9b027bc8e687dc9e36e71ad/

с повседневной памятью горожан. И наоборот, памятнику, не задуманному как таковой, могут быть навязаны смыслы, связанные с запросами той или иной группы, и он начинает выполнять, по сути, те же задачи, которые свойственны «умышленному» памятнику.

Этот подход вполне применим и к памятнику в узком смысле — объекту публичного искусства, созданному в целях коммеморации и поддержания коллективной идентичности (будь то идентичность идеологическая, этническая или локальная). Например, памятники и монументы, увековечивающие память о ключевых для этой идентичности личностях или масштабных событиях, параллельно оказываются материальным воплощением локального знания и личных воспоминаний. В то же время ставший крайне популярным в 1990–2000-е годы жанр «городской скульптуры» — фигур «человеческого масштаба» [Гейл 2012], изображающих городские типы прошлого и настоящего, персонажей литературы и кино, стереотипные образы, связанные с локальной идентичностью (например, скульптуры «Пермяк соленые уши» в Перми, «Огней так много золотых» в Саратове), — обозначается в повседневном узусе как «памятники» и приобретает сходные с ними свойства — прежде всего, сакральность, отличающую «памятник» от любых других городских объектов, обладающих вернакулярными наименованиями.

Это свойство, как мы видели выше, признается законодательно: существует понятие «осквернения», которое в правовом поле понимается неоднозначно — оно связывается как с «вандализмом», который в теории может быть направлен на любой городской объект, от архитектурного шедевра до бетонного забора (например, ст. 214 УК РФ), так и собственно с разрушением сакрализованного объекта (например, захоронения или надгробного памятника — ст. 244 УК РФ), даже вербальным или визуальным (как в случае с административным делом «7х7»).

Однако сакральностью может обладать и объект, не связанный с почитанием какого-то деятеля или события прошлого. Яркий анекдотический случай приводит Георгий Данелия в своих мемуарах: в ходе съемок фильма «Тридцать три» киногруппа установила на привокзальной площади в Ростове бутафорский памятник главному герою — Травкину (в исполнении Евгения Леонова) с подписью «Травкин Иван Сергеевич, образцовый семьянин» и сняла торжественную коммеморативную церемонию с речами, пионерами в галстуках и прочими характерными признаками советского ритуала. Вернувшись переснимать отдельные кадры, они обнаружили, что памятник уже «врос» в семиотическое пространство города:

> Сошли с электрички, выходим на площадь — ба! Стоит наш памятник, а вокруг уже разбит газон, и пожилой рабочий красит ограду.
> — Кому памятник, дед?— спросил я.
> — Травкину Ивану Сергеевичу.
> — А кто это? За что ему такая честь?
> — А за то, что не б...дун.
> Местное начальство решило: раз москвичи поставили памятник, торжественно открыли его и речь говорить приехала сама Нонна Мордюкова, значит,— так надо. И выделили из бюджета средства на его благоустройство.

> Так Леонов-Травкин и стоял на привокзальной площади, пока папье-маше не развалилось под дождем [Данелия 2017].

История получила неожиданное продолжение — спустя много лет члены одной из семей Ростова сообщили, что имеют к этому памятнику самое непосредственное отношение:

> Дед мой, человек доверчивый, после отъезда съемочной группы вызвался ухаживать за «картонкой», а когда она от дождей и снегов развалилась, принес домой, — мол, будет мужиков в семье оберегать от «левых походов» [Мамедова 2003].

Оказывается, достаточно установить на площади «памятникоподобный» объект и провести рядом с ним соответствующий ритуал, чтобы сакрализовать скульптуру и даже придать ей магические свойства. Видимо, именно поэтому в современном российском вернакулярном дискурсе практически отсутствует различение между собственно памятником и городской скульптурой или иной малой архитектурной формой (отсюда такое словоупотребление, как «памятник кошельку»), а рядом с ними выполняются серьезные или иронические коммеморативные ритуалы [Радченко 2016б]. Сакральность городского объекта зависит не от его содержания, а от тех действий, которые с ним производятся — и поэтому нестабильна.

Рамкой для изучения этого явления может стать биографический подход к изучению памятников, нацеленный на изучение изменений, трансформации смыслового ореола объектов [Palmer 2008]. Как отмечает Джей Винтер, «у ‹памятников› не могло быть зафиксированного значения, неизменяемого со временем ‹…› Их первоначальная задача соответствовала потребностям огромной массы горюющих людей. Горе выражалось многими способами, но со временем раны большинства стали затягиваться, жизнь продолжалась. Когда это происходило, через несколько лет или десятилетий, объекты, наделенные смыслом, связанным с утратой жизни на войне, стали чем-то иным. К ним могли прикрепляться другие смыслы, порожденные другими нуждами, а могло и не появляться никаких новых смыслов» [Winter 2014: 98]. Например, Брайан Осборн, описывая мемориал Жоржу Этьену Картье в Монреале, упоминает о том, что с течением времени изменение практик рядом с этим памятником изменяет и смысл самого пространства, превращая его в палимпсест [Osborn 1998, Mitchell 2003, Huyssen 2003]. Постепенно из центра патриотических церемоний он превращается в популярную точку для проведения митингов самой различной повестки. Затем неподалеку от него открывается «Макдональдс», привлекающий к себе молодежную аудиторию, и рядом с памятником Картье начинают протестовать студенты. Параллельно он становится площадкой для любой молодежной активности — здесь исполняют альтернативную музыку, танцуют и т. д. Мы видим, как память не просто манифестируется, но формулируется в перформативных практиках [Marshall 2013, Coombes 2003, Oushakine 2013], и они же становятся способом ее радикальной трансформации.

«Народные» названия памятников обычно изучают, подходя к ним с тем же филологическим или лингвистическим инструментарием, как к любым

другим неофициальным онимам [Клименко 2011, Борейко, Шпак 2013, Разумов 2011 и др.]. В силу разобранного выше существенного отличия памятников от других городских объектов, мы предлагаем другой подход. На материале 546 случаев вернакулярной топонимии, бытующей в городах России и странах бывшего СССР, мы рассмотрим несколько сюжетов о том, как памятник трансформируется при помощи вербальной интервенции. Однако, поскольку памятник не автономен по отношению к городу, нам придется прибегать и к описанию других кейсов — физического взаимодействия с мемориалом и пространством вокруг него.

Памятник и традиция

В своей знаменитой работе «Пересобирая Америку: публичная память, коммеморация и патриотизм» Джон Боднар выдвинул тезис о том, что публичная память проявляется во взаимодействии между официальными и вернакулярными практиками памяти [Bodnar 1992]. Первая догматична, однозначна, нацелена на развитие единой националистической и патриотической культуры; вторая по сути является сложным комплексом «голосов» самых различных групп с различными интересами. Периодически в одном и том же коммеморативном пространстве (или «месте памяти», если воспользоваться терминологией Пьера Нора) могут происходить столкновения между этими двумя типами памяти.

Следуя заданной Джоном Боднаром парадигме, исследователи стали говорить об «аутентичности» вернакулярных (индивидуальных или локальных) «памятей» и необходимости их сохранения и поддержания в качестве оппозиции доминирующему нарративу властных групп [Tai 2001]. Вместе с тем, вернакулярные практики памяти не столь уж беззащитны перед лицом официальной коммеморации. Так, Маршалл, описывая вандализм по отношению к памятникам постапартеидной ЮАР, показывает, что официальные формы памяти могут быть успешны только тогда, когда они органически связаны с вернакулярными формами коммеморации [Marshall 2013: 79]. Иными словами, вернакулярная традиция обладает собственной агентностью и властью [Howard 2013].

Вопрос, однако, заключается в следующем: память о чем именно формулируется и проявляется в вернакулярных практиках взаимодействия с памятником?

Обратимся к описанному выше случаю с сыктывкарским монументом. Практически каждый раз, когда какое-нибудь онлайн-медиа публиковало о нем материал, в комментариях возникала дискуссия между сторонниками контроля над памятью и сторонниками свободы слова. Самым распространенным способом выразить свою позицию оказалась публикация неформальных топонимов из собственных городов: «боже, весь Ростов можно штрафовать за их “Памятник пьяным, ловящим тачку” (памятник Стачке 1902 г.)»[2].

[2] https://twitter.com/max_katz/status/707846137059782657. Здесь и далее при цитировании пользовательских текстов воспроизводится орфография и пунктуация оригинала.

Заметим, что аналогичные перформативные практики, нацеленные на формирование солидарности, наблюдались нами в случае «дела библиотекарей», когда пользователи выкладывали в сеть фотографии собственных коллекций украинских изданий, чтобы опротестовать закрытие украинской библиотеки в Москве [Мониторинг актуального фольклора 2015б: 25].

Воспроизводя топонимы, люди не просто указывают на бессмысленность привлечения к ответственности за использование «народных названий» (тогда придется наказывать всех), но и на их нормативность. В случае, когда практика или объект оказываются преследуемыми, важно показать, что эта практика распространена повсеместно, вписана в более широкий контекст, и именно поэтому не является поводом для преследования. Такое установление нормы через апелляцию к прецеденту или авторитету традиции — характерный способ доказательства нормативности этически спорных вернакулярных практик — например, так называемого «черного юмора». Билл Эллис в своем исследовании шуток, возникших после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, приводит неожиданное наблюдение: шутки, которые кажутся неуместными, пользователи интернета оправдывают существованием предыдущих циклов «юмора катастроф» [Ellis 2002][3]. По той же модели апелляции к авторитету группы, традиции, фольклора («это не я говорю, это народ говорит») выстраивается и оправдание вернакулярной топонимии.

> «А до полёта у меня была вот такая жопа!» — это не я придумала, это между собой так летчики шутили, а рассказал дедушка[4] (о памятнике Гагарину в Москве — ***Д. Р.***).

> Еще в Волгограде есть памятник, который в народе зовут «Пьяный матрос». Понимаю, цинично. Но против народа не попрешь[5].

В свою очередь противники вернакулярной топонимии активно оспаривают наличие такой традиции (заметим — не ее авторитета!). Варианты реализации этой модели могут быть различны: собственно отсутствие традиции; недостаточный возраст практики, не позволяющий назвать ее традиционной; маргинальность традиции, ее принадлежность стигматизированным меньшинствам; и даже идея о том, что такую традицию создают специально, чтобы очернить исторические достижения страны и подорвать российскую государственность.

> Три женщины жарят крокодила — за 20 лет никогда не слышал, наверное, правда кто то креативный решил бабла в газетке срубить[6].

> чета хз... 40 лет живу в Сыктывкаре, абориген так сказать, а ни разу ни от своих друзей-знакомых, ни от случайных собеседников этого дебильного псевдонима памятника трем матерям не слышал...[7]

[3] См. перевод этой статьи в текущем номере журнала, с. 27–79.
[4] www.yaplakal.com/forum2/st/700/topic1336328.html
[5] www.yaplakal.com/forum2/st/250/topic 1454441.html
[6] http://www.yaplakal.com/findpost/46046253/forum2/topic1336328.html
[7] http://www.yaplakal.com/findpost/46046253/forum2/topic1336328.html

> Я прожил с 1971 года до 1998 на Греческом, в доме прямо за БКЗ «Октябрьский». Около этого памятника у нас был сбор в первый класс и потом принимали в пионеры. Никогда не слышал ни про какие шутливые названия типа "красногвардейцы в бане", подозреваю, что это уже современные трактовки[8].

Иногда вернакулярный топоним может бытовать в городе на протяжении полувека, но все еще вызывать активную дискуссию. Именно так произошло с памятником «Человеку-созидателю» в Краснодаре. Он был открыт в 1967 году в память 50-летия Октябрьской революции. В том же году в кинотеатрах СССР прошли показы французской кинотрилогии про Фантомаса («Фантомас», «Фантомас разбушевался» и «Фантомас против Скотланд-Ярда»), которая моментально приобрела огромную популярность, и, по-видимому, памятник немедленно после открытия получил прозвище «Фантомас». Это не единичный случай такой быстрой реакции вернакулярной топонимии. Воздвигнутые незадолго до выхода фильма и сразу после него, несколько новых масштабных памятников получили то же неофициальное наименование: среди них Монумент Победы (Копейск, 1965), Мемориал труженикам Луганщины (Луганск, 1967), памятник героям-комсомольцам (Нальчик, 1968), «Героическая молодость» (Запорожье, 1968), памятник 100-летию надвирнянской нефти (Надворная, Ивано-Франковская область, 1968), ряд памятников революционным деятелям в Алма-Ате, воздвигнутых к 50-летию революции [Кузьменко 2000]. Ситуации, когда памятник получил бы то же наименование вне связи с реакцией на фильм, крайне редки — например, это произошло с памятником казненным немцам членам ОУН в Ивано-Франковске, открытом в 2003 году[9]. Несмотря на эту долгую историю, вернакулярное название памятника в Краснодаре оспаривается на основании того, что оно возникло в молодежной среде — основной аудитории приключенческого кино. Аналогичная ситуация возникла и в Нальчике: «хотя для кого-то он и "фантомас", для людей старшего поколения был и остается памятником героям-комсомольцам» [Дзамихова 2006].

Такого рода «поколенческие конфликты» вполне типичны для вернакулярной топонимии: один и тот же памятник представители разных возрастных групп могут называть по-разному. Например, обсуждение вернакулярного наименования памятника Гагарину на одноименной площади в Москве привело к вскрытию своего рода лингвистической археологии района. Каждый из участников дискуссии, фрагменты которой приведены ниже, указывает свою версию и «временную отметку» собственного языкового слоя, постепенно уходя в глубину «раскопа».

> Когда установили памятник Гагарину еще не было ни Терминаторов ни Трансформеров. Поэтому памятник называли Бэтмэн[10].

[8] https://pantv.livejournal.com/676346.html

[9] http://topmedia.com.ua/news/show/2012-09-04/28692_betmen-na-furazhke-ili-narodnye-imena-pamyatnikovfoto

[10] https://www.yaplakal.com/findpost/52051420/forum2/topic1454441.html

> Я родился в этом районе при СССР. Не было тогда терминаторов. Памятник называли «Где чемоданы?»[11]

> Напротив был гастроном «Спутник». Юра, водка в Спутнике есть? — Пролетели![12]

Иногда к «поколенческой» модели прибегают и для того, чтобы объяснить вернакулярный топоним. Например, молодые жители Кисловодска иногда называют памятник святителю Николаю Мирликийскому на Курортном бульваре «Бэтменом», легитимизируя этот топоним при помощи нарратива о маленьком мальчике, который, проходя мимо памятника, спросил у своей мамы: «Это кто — Бэтмен?», после чего название и «пошло в народ». Ребенок, в отличие от взрослого, воспринимается как лицо, имеющее право и на незнание/отсутствие памяти о прошлом, и на непосредственное суждение о внешнем облике объекта, и поэтому вернакулярное название сакрального объекта становится «допустимым».

Однако обычно подтверждение авторитета вернакулярного наименования основано на апелляции к официальным документам, дискурсу власти или укорененности неформального названия в советской истории города.

> Много отзывов типа — в СССР это был памятник человеку-созидателю, а вот в проклятое буржуйское время его назло прозвали «Фантомасом». Утверждаю — в 1978-м году, еще при жизни дорогого Леонида Ильича, памятник уже носил такое народное название![13]

> Редакции «НГК» даже удалось обнаружить официальный документ судебного приговора, в котором место происшествие официально обозначалось «траектория движения подсудимой — шла в сторону "Фантомаса"» [Полосина 2015].

> В простонароде «Три лысых», город Артём, Приморский край. Вплоть до главы города все так его называют. Директор школы когда сборы проводил на мемориал, так и говорил: — Ребята, завтра в 15:00 всем нужно явиться на трёх лысых. Истинное название знают только учебники истории, наверное.[14]

Сакральность и десакрализация в эпоху юбилеев и после нее

Как мы видели выше, вернакулярная топонимия может устойчиво воспроизводиться в течение десятков лет, причем не только в устной речи школьников, но и в официальных публикациях СМИ и полицейских протоколах. В чем причина такой устойчивости и распространенности этой традиции?

Обратим внимание на то, когда и в отношении каких городских объектов появляется большинство зафиксированных нами топонимов. Всего в собранной нами базе вернакулярных наименований[15] содержится

[11] https://www.yaplakal.com/findpost/52058499/forum2/topic1454441.html

[12] https://www.yaplakal.com/findpost/52058499/forum2/topic1454441.html

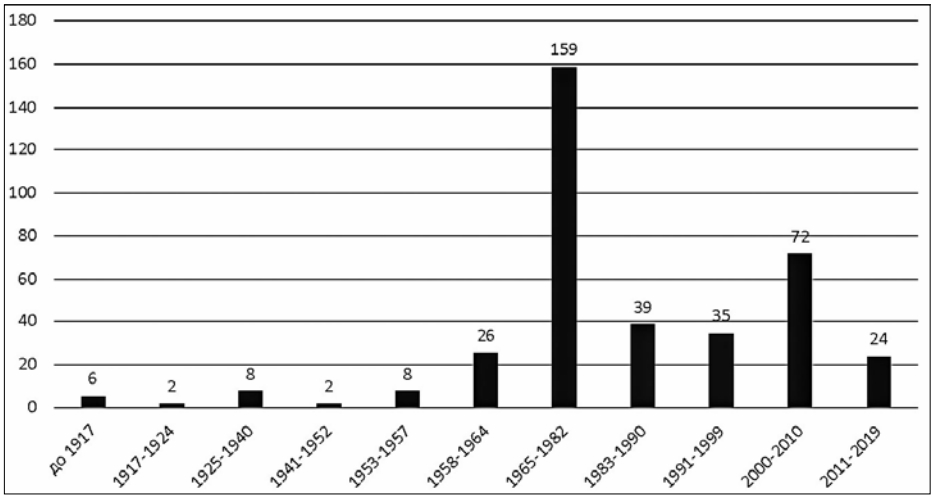
[13] http://to-kuban.ru/viewtopic.php?t=1186&start=45

[14] https://vk.com/wall-29534144_3480280

[15] В базу данных входят наименования, зафиксированные в материалах СМИ (по БД «Интегрум»), полевых материалах автора, полевых материалах Центра городской антропологии КБ Стрелка, полевых материалах проекта «Историческая память городов», научной литературе, онлайн-источниках (блоги, форумы, социальные медиа, онлайн-СМИ).

свыше 380 городских объектов, расположенных (или находившихся) на территории СССР (в том числе, в 139 городах России, 18 городах Украины и 19 городах других государств, ранее входивших в состав СССР). Только 35 (11%) из них — объекты, которые могут быть обозначены как «городская скульптура», остальные 273 — собственно памятники. Большинство из них были открыты в течение всего двух периодов: 42% были с 1965 по 1982 год, 19% — в 2000–2010 годы (*График 1*).

График 1. Распределение памятников, обладающих вернакулярными наименованиями, по дате их открытия/создания

В то время как постсоветские мемориальные объекты довольно разнообразны по содержанию, памятники 1960–1980-х годов — это, в основном, объекты, воздвигнутые к одному из многочисленных юбилеев этого периода (20-летний и 30-летний юбилеи Победы, 50-летний юбилей советской власти, 50-летний юбилей комсомола, юбилеи образования СССР и отдельных союзных республик, 100-летний юбилей Ленина и др.). Например, самый сильный всплеск приходится на 1975 год: из 19 памятников, получивших вернакулярные наименования, девять посвящено победе в Великой Отечественной войне, шесть связаны с коммеморацией Октябрьской революции, три увековечивают космические и научно-технические достижения СССР, и один — трудовые подвиги народа.

Оказывается, что почти половина всех объектов вернакулярной топонимии, которые фиксируются сегодня, является реакцией на открытие памятников, посвященных двум системным элементам публичной памяти 1960–1980-х годов: основанию советской государственности и Великой Отечественной войне [Юдкина 2015: 272]. Как полагает Пьер Нора,

> места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому

> что такие операции не являются естественными. ‹…› Если воспоминания, которые они заключают в себе, были бы действительно живы, в этих бастионах не было бы нужды. Если бы, напротив, история не захватила их, чтобы деформировать, трансформировать, размять и превратить в камень, они не стали бы местами для памяти [Нора 1999: 26–27].

Вероятно, именно из-за этой оторванности от живой памяти и ощущения травмы, которую описал Нора, вернакулярные наименования чаще получали памятники, которые отстояли от вспоминаемого события не меньше, чем на 15–20 лет.

В позднесоветский период память о великих событиях нуждалась в поддержке, строились новые и новые мемориалы, в том числе, в новых городах, где до этого памятников было мало или они вовсе отсутствовали. В повседневной речи эти памятники едва ли не моментально получали совсем не то содержание, какое задумывалось авторами:

> Постоянно появлялись новые города-герои, открывались новые мемориалы поражающих воображение размеров. Нам тогда это официальное нагнетание казалось чрезмерным, не встречало оно отклика и даже служило материалом для шуток. Так, все сразу заметили, что гигантская статуя с мечом на склонах Днепра направлена на Москву и много было на эту тему комментариев[16].

Юмор по отношению к памятникам — шутки и вернакулярная топонимия — безусловно, бытовал и задолго до этого: например, памятник «Освобожденный труд» в Екатеринбурге, который просуществовал всего шесть лет (с 1921 по 1927 годы), успел обзавестись прозвищем «Ванька голый»[17]. Однако именно позднесоветские мемориалы сделали явление вернакулярной топонимии таким заметным — хотя бы за счет своего количества.

Они оказались в уникальной ситуации: чем больше возникает памятников, чем интенсивнее их сакрализация, тем интенсивнее дискуссии по поводу их статуса. Принцип такого иерархического различения был заложен в официальном дискурсе о мемориалах. Например, в путеводителе по скульптурным памятникам Москвы [Кожевников 1983] мы видим четкую и очень характерную для позднесоветского периода иерархию памятников: вначале автор описывает «памятники основоположникам научного коммунизма» (Марксу, Энгельсу, Ленину), затем памятники, связанные с революционными событиями (в алфавитном порядке, за исключением идущего первым обелиска в Александровском саду и следующих после памятников конкретным деятелям памятных знаков, посвященных революционным движениям и группам), затем «памятники боевой славы» (в хронологическом порядке), затем памятники деятелям науки и деятелям культуры, и в последнюю очередь — группы бюстов, от захоронений у Кремлевской стены до аллеи у ВДНХ.

В постсоветский период эта иерархия изменяется — памятники установлению советского государства уступают первенство памятникам войны. Однако сам принцип иерархичности (в диапазоне от «любой памятник

[16] https://leolion-1.livejournal.com/1464370.html?thread=27520306#t27520306
[17] https://bilimbaevskaya.livejournal.com/176738.html

священен» до «некоторые памятники не являются сакральными объектами») остается неизменным: «Писателя памятники осмеивать можно. А какого хера на памятники воевавшим людям разводить п****ж?»[18].

Эта иерархичность ярко проявляется в обсуждениях практик взаимодействия с памятниками. Например, обсуждая катающихся у памятника Ленину в Новосибирске скейтеров, их оправдывают именно потому, что памятник Ленину ниже в «иерархии сакральности», чем мемориал Великой Отечественной войне: «я не вижу ничего плохого, что они у памятника тренируются. это не вечный огонь же»[19]. И наоборот, катание на скейте у памятника Ленину могут осуждать потому, что, став нормативной практикой, оно может распространиться и на памятники более высокого уровня сакральности: «Не надо позволять ребятишкам этого на площади рядом с монументом иначе опять будем рвать на себе волосы почему кто-то жарит шашлык на "Вечном огне"(ттт)» [20].

Но и памятники Великой Отечественной войне не равны между собой по «уровню сакральности». В этой иерархии различаются собственно места трагедий, места, связанные с захоронениями или имитирующие их кенотафы, памятники конкретным героям, памятники обобщенным образам, и объекты «второго порядка»: «памятник войне» не равен «памятнику юбилею войны». Например, организатор танцевального флешмоба в Ростове-на-Дону у стелы 40-летия Победы заявил, что территория у этого памятника — не более чем место народных гуляний, а сакральными памятниками Ростова являются совсем другие объекты (Змиевская балка, Вечный огонь и др.), значит, у первой можно танцевать, а у вторых — недопустимо [Кринко, Хлынина 2014: 33].

Именно поэтому в текстах противников вернакулярной топонимии прослеживается представление о том, что альтернативное название памятника — первый шаг к его физическому осквернению, потому что понижает статус мемориала в иерархии сакрального до рядового городского объекта, не нагруженного дополнительными смыслами.

> на мой взгляд... не надо пошлить, что свято[21]

> Так легко можно Вечный Огонь, «от имени народа» — переименовать в «кухонную конфорку». А, потом — пожарить на нем чё-нить, а то и вовсе — помочиться...[22]

> Вот недавно тут про одного молодого пост был, что он на вечном огне скейт и ноги грел и по памятнику лазил. ‹...› А чем это хуже дачи «весёлых» названий памятникам?[23]

Вернакулярное наименование уничтожает памятник как «место памяти», превращая его в пустой знак. Оно разрушает «схематичную нарративную модель» эмоционально нагруженной глубинной коллективной

[18] https://ekabu.ru/119643-narodnye-nazvaniya-pamyatnikov-v-rossii___raznoe.html
[19] http://forum.ngs.ru/board/nskforever/flat/2016524913/?fpart=1&per-page=50
[20] Там же.
[21] www.yaplakal.com/forum2/st/300/topic 1454441.html
[22] www.yaplakal.com/forum2/st/725/topic1336328.html
[23] www.yaplakal.com/forum2/st/475/topic1336328.htlm

памяти, лежащей в основе локальной идентичности [Wertsch 2008: 142]. Так, жительница Набережных Челнов на общественных слушаниях предложила поставить в районе памятник, а в ответ на ремарку о том, что памятники там уже есть, сказала, что существующий мемориал дискредитирован неформальным названием:

> У нас самый главный памятник — Родина мать, — прозвучало из зала. — Родину-мать знаете как обзывают? «Куча татар смотрит на бар», — заявила жительница. Поэтому мне хочется, чтобы был какой-то культурный памятник[24].

В свою очередь, апологеты вернакулярной топонимии не отрицают этой сакральности памятника, но локализуют иронию по отношению к нему. Первый вариант такого оправдания — утверждение о том, что ирония обращена не к памяти, которую воплощает мемориал или тем более к самому увековеченному явлению, а к неудачному выполнению скульптуры: «смеются не над памятником, а над скульптурой и автором»[25]; «Просто люди понимают что многие памятники пусть даже павшим на войне — откровенная халтура. А халтура в таком деле — не меньшее зло, которое к тому же когда оно в виде памятника исправить невозможно»[26].

Именно так было легитимизировано неофициальное название памятника защитникам Севастополя, который горожане прозвали «пауком» или «каракатицей». Требуя демонтировать скульптуру, они апеллировали к ее недостоверности («куда бегут эти матрос и солдат? ‹…› Бегут в сторону моря. Они что, дезертиры?!») и визуальной непривлекательности («не просто паук, приплющенный, анемичный») [Поженян 1988]. Вернакулярный топоним подчеркивал несоответствие между сакральностью явления (память о защите Севастополя) и ее небрежным, «неправильным» изображением («паук»)[27].

Второй вариант оправдания локализует иронию во времени. Он сводится к представлению о том, что поминовение (или восхищение) не может происходить постоянно, для него есть выделенные периоды «ритуального времени», в остальное же время допустима ирония.

> Ты думаешь что таким образом насмехаются над памятью? Вот смотри, простой пример, в Томске есть Лагерный сад. Там находится мемориал боевой и трудовой славы омичей. Практически всегда свежие цветы, и стар и млад несут. Действительно святое место! Но вот как поставили его в 79 году, так и прилепилось: «Мать, подержи винтовку, я в магазин по-быстрому»[28].

> ‹...› почему, люди которые там живут, это придумывают??? Потому, что нельзя ежедневно восхищаться, можно вечно иронизировать! Вспомнил, что архан-

[24] chelny-biz.ru/gov/182724/?sphrase_id=63983

[25] www.yaplakal.com/forum2/st/950/topic1336328.html

[26] https://ekabu.ru/119643-narodnye-nazvaniya-pamyatnikov-v-rossii___raznoe.html

[27] Интересно, что эта дискуссия возымела действие — строительство памятника было заморожено. В 1990 году горсовет даже предпринял попытку найти средства на демонтаж. Но уже в середине 2000-х годов было принято решение достроить мемориал, и в 2007 он был открыт. Топоним же, зафиксированный Поженяном в 1988 году, исчез из активного бытования — сейчас скульптуру называют «памятником солдату и матросу».

[28] www.yaplakal.com/forum2/st/175/topic1336328.html

> гельский Ленин — «Кин-Конг», в тысячный раз осмотрел его кулак прижатый к груди, вспомнил горе-скульптора, ухмыльнулся и пошел дальше.... а настроение улучшилось :)))

Мы видим, как устанавливаются нормы использования вернакулярной топонимии, особенно иронической: она допустима по отношению к определенным типам памятников (в соответствии с подразумеваемой «иерархией сакральности» и визуальными особенностями конкретного объекта) и/или в определенное время: например, можно шутить над памятником Кирову, но нельзя — над мемориалом Победы; можно шутить над неудачными памятниками, а над качественными — нельзя или незачем; можно шутить над памятником, но не во время ритуала посещения памятника, в непосредственной близости от него.

(Анти)общественное пространство: пустота вокруг памятника

Последнее из перечисленных ограничений связано с особенностями памятника как городского объекта. В 1960–1970-е годы особенно активно продвигается идея «градообразующей роли» монументальной пластики, появляются «ансамбли, воплотившие новую, возникшую именно в 1960-е годы концепцию многочастных, развернутых в пространстве памятников» [Костина 2017: 514–515]. По всей стране в беспрецедентных масштабах появляются не просто памятники в центре площади, а крупные мемориальные комплексы — пустые модернистские пространства, предназначенные исключительно для обрамления масштабной, часто многофигурной, пластики и проведения массовых ритуализованных праздников, парадов или митингов, подчеркнуто пустующие в другое время.

Частные же практики, не связанные с поминовением, на этих площадях становятся предметом активной дискуссии. Так, в 1985 году обсуждается допустимость веселья, свадебных кортежей, громких разговоров и музыки, употребления спиртного и курения на территории мемориала Сапун-горы [Попов, Романько 2019: 59]. Именно с этим связаны и дискуссии о допустимости танцев у памятника: тверк на фоне мемориала «Малая Земля» в Новороссийске в апреле 2015 года, танец новороссийских курсантов на фоне танка-мемориала в мае того же года [Мониторинг актуального фольклора 2015].

Оказывается, что памятник «проецирует» сакральность на прилегающую к нему территорию. Эта территория сравнивается с кладбищем, а сам монумент ассоциируется с надгробной плитой — не в последнюю очередь благодаря тому, что советские памятники нередко действительно устанавливались на местах захоронений неизвестных воинов, братских могил, могил конкретных лиц[29]. Останки сакрализуют и сам

[29] При этом само кладбище дополнительно сакрализуется за счет того, что в годы советской власти оно оказывается местом проведения религиозных и околорелигиозных ритуалов — например, посещение кладбища на Пасху и поедание там ритуальной праздничной пищи оказывается едва ли не единственным массовым и при этом не преследуемым способом реализации православных практик.

памятник, и всю территорию мемориала — более того, как отмечает Михаил Габович, наличие захоронения оказывается важнее, чем то, кто изображен на памятнике [Gabowitsch 2018]. Там, где захоронения не было и не могло быть, оно может имитироваться: например, по сообщению работника московского Дворца пионеров, уже после установки скульптуры Мальчиша-Кибальчиша (1972), героя сказки А. Гайдара, к ее подножию была привезена земля с могилы самого Гайдара[30]. Памятник литературному персонажу тем самым превратился в «памятник всем ребятам, которые отдали жизнь за Родину, которые были верными помощниками своих отцов и старших братьев» [Кожевников 1983].

Более того, памятник метонимически приравнивается к изображаемому им объекту коммеморации. Зафиксированы многочисленные случаи «одушевления» памятника, когда люди вступают в «разговор» с монументом [Радченко 2016]. Но возможен и обратный ход — «омертвения» памятника и его захоронение как человеческих останков. Так, на Земо-Авчальской ГЭС в Грузии в 1991 году был снесен памятник Ленину. Рабочие, спасая его, закопали статую в саду, но вскоре увидели в этом похороны — украсили «могилу» цветами и стали справлять поминки на девятый и сороковой день[31]. Поминали ли они при этом Ленина? Скорее всего, нет — возникла спонтанная практика коммеморации памятника, с которым были связаны какие-то воспоминания об этом месте, по модели коммеморации усопшего.

В результате возникает вопрос — а может ли в принципе сакральная территория у памятника использоваться как общественное пространство? Могут ли сакральная и интерактивная стратегии взаимодействия с памятником [Колягина, Конрадова 2015: 145] совмещаться? Обсуждая телевизионный сюжет о том, как дети катаются с горки у мемориала Победы в Пензе, пользователи сети Vkontakte постоянно апеллируют к понятию «иерархии сакрального». Некоторые предполагают, что есть допустимые и недопустимые в сакральном пространстве памятника действия («не бухают же. Катаются детишки и катаются»), причем предполагается, что некоторые действия могут расцениваться как нестандартная форма коммеморации («мне вот кажется, ветеранам напротив должно быть приятно... защитили родину что бы будущие поколения, читай детишки, жили и радовались мирному небу»). Другие оправдывают эти действия прецедентом («почему на памятнике Ленину на площади Ленина кататься можно, а тут это не допустимо?»). Третьи апеллируют к сакральности поминального объекта: «Памятник это памятник, а не место для игр. На могилах тоже стоят памятники пустили б еще детей туда покататься. между могильных памятников. Для меня это одно и тоже например»[32].

Аналогичным образом сначала конструировалось, а затем обсуждалось проектное предложение архитектурного бюро «Аппарат»,

[30] Инф. 1 — ж., сотрудник Дворца пионеров.
[31] Инф. 2 — м., 1951, учитель русского языка и литературы.
[32] https://vk.com/wall-20801131_139909

предполагавшего благоустройство площади Маршала Василевского в Калининграде. Авторы проекта опираются на представление о том, что территория вокруг памятника может и должна функционировать как активное общественное пространство, и апеллируют к тому, что мирные повседневные практики потомков являются не менее, а то и более значимым приношением к мемориалу героев войны, чем праздничные цветы и речи:

> Площадь Маршала Василевского ‹...› не является активным и популярным общественным пространством города, а работает скорее как мемориальное место и используется только по назначению всего несколько раз в год. Тем не менее, в последнее время на площади стала появляться молодежь, осваивая пространство для катания на скейтах непосредственно по пьедесталу памятника. ‹...› Задача заключалась в том, чтобы не нарушая мемориальной ценности площади разместить еще одну функцию в этом пространстве, и тем самым оживить знаковую городскую площадь не только как место памяти, но и локального сквера для жителей и туристов и место досуга для молодежи. Решение — разместить кольцевую трассу для скейтеров вокруг мемориальной площади, не нарушив мощения самой площади, но сделав памятник центральной композицией. ‹...› Создается дополнительный смысл, когда дети играют вокруг памятника: игра детей в мирное время, и значит все жертвы были не напрасны[33].

Обсуждая этот проект, участники сообщества Vkontakte «Типичный Калининград» описывают свои представления о норме взаимодействия с пространством вокруг памятника: от полной недопустимости любой деятельности, кроме собственно мемориальной, до недопустимости отдельных видов отдыха (например, некоторые из них настаивают на том, что у памятника нельзя есть/торговать/заниматься спортом и т. д.).

> Думаю, что бойцы и их командиры были бы только рады такому будущему своих детей. Свободному, динамичному. Да собственно они за это и воевали (мужчина, проживает в Калининграде, 1981 г. р.)[34].

> Память это память, тут все понятно и по этому там мало кто отдыхает, ведь это как отдыхать у могил. Иногда летом просто хочешь там посидеть и перекусить, так все пялятся будто ты кости павших смакуешь (Мужчина, проживает в Калининграде, возраст не указан)[35].

> Хотелось бы напомнить, что это мемориальная площадь в честь маршала — героя и павших бойцов 3 беларуского фронта! Скейт площадка тут, я думаю, будет не уместна! (мужчина, проживает в Калининграде, 1987 г. р.)[36].

Территория мемориала за счет его сакральности оказывается вырванной из городской ткани и выключенной из повседневности города. Пустые площади могут быть активны только во время ритуальных периодов поминовения (День Победы или годовщина Октябрьской революции) и только для целей публичной коммеморации, подразумевающей весьма ограниченный репертуар церемоний: возложение цветов, произнесение

[33] https://www.apparat-a.com/vasilevskogo
[34] https://vk.com/wall-31556867_1086875?reply=1087009&thread=1086897
[35] https://vk.com/wall-31556867_1086875?reply=1087666
[36] https://vk.com/wall-31556867_1086875?reply=1086897

речей, прохождение парада, почетный караул, торжественный прием в пионеры и т. п. В остальное время площадь может посещаться только для отправления частных ритуалов (например, свадеб) или в туристических целях, исключающих физическое взаимодействие с памятником, а также в целях сугубо хозяйственных — для уборки территории и ремонта мемориала. Из пространства памяти мемориал становится пространством забвения: как отмечает Елена Рождественская, «устаревшая эстетика и дискурс меморизации приводят к тому, что мы не замечаем присутствия памятников. Повинна в забвении и предсказуемость коммеморативных мест, обнесенных оградой и удаленных от людских маршрутов» [Рождественская 2019: 83]. Однако, как мы увидим ниже, горожане могут сопротивляться этой пустоте и не вторгаясь в нее физически.

Восстанавливая связь с городом

Одним из способов восполнения этой разорванности оказывается вернакулярная топонимия, которая устанавливает связи между памятником и объектами рядом с ним, перекидывая своего рода смысловой мостик через пустое пространство площади вокруг монумента. Вот как, например, мотивировано наименование памятника Комсомольцам Орловщины (открыт в 1972 году) «Три студента опаздывают на лекцию» (вариант: «Держись, Ваня, институт рядом»):

> Прямо по курсу Орловский педагогический университет. тут же следует вопрос — а где же третий? — А третий на «Щепной остался». Щепная площадь позади памятника, одно из немногих мест, где в советское время можно было купить разливное пиво[37].

Эта модель встречается в 12% случаев, вошедших в нашу базу, причем больше половины из них — наименования памятников, созданных все в ту же эпоху юбилеев, в промежутке между 1975 и 1988 годами. Чаще всего это наименования, связанные с предприятиями по производству и продаже алкоголя: «Лев Толстой за водкой идет» (Тула, памятник Л. Н. Толстому, 1973, расположенный напротив бывшего ликеро-водочного завода), «Без пяти семь» (Волгоград, памятник Михаилу Паникахе, 1975 — напротив винного магазина). Встречаются, впрочем, и другие варианты: «Четверо вышли из ломбарда» (Харьков, монумент в честь провозглашения Советской власти на Украине, 1975, ныне демонтирован); «Трое вышли из леса» (Королев, мемориал Славы, 1985), «Спиной к Родине» (Уфа, памятник Дзержинскому, 1987, за памятником находится кинотеатр «Родина») и др. Вернакулярная топонимия, по сути, связывает разорванный ими город воедино, придает смысл городскому ансамблю.

При помощи неформальных наименований и локальных нарративов памятники могут вступать в отношения не только с соседними

[37] http://www.yaplakal.com/findpost/46054849/forum2/topic1336328.html

Памятник основателям города Василию Татищеву и Вильгельму де Геннину в г. Екатеринбурге. Фотография В. Лурье, 2019.

объектами, но и с относительно удаленными. Очень характерный случай представляют собой три скульптуры в Нижнем Новгороде:

> В Нижнем Новгороде есть 3 памятника на трёх площадях, Горькому на пл. Горького, Чкалову на пл. Минина и Ленину на пл. Ленина. Народ сочинил про них такой анекдот: (Горький держит правую руку за бортом пиджака на животе) — Сообразим на троих? (Он смотрит на Чкалова) (Чкалов как бы надевает лётную варежку-крагу и задумчиво смотрит в сторону Ленина) — Надо подумать... (Ленин высоко взмахивает правой рукой и смотрит в сторону Горького) — А чего тут думать, товарищи? Магазин за углом![38]

Аналогичная «перекличка» возникает в Екатеринбурге, где на проспекте Ленина находятся три памятника: Кирову, Свердлову и Ленину. Расстояние между Кировым и Свердловым составляет около двух километров, между Свердловым и Лениным — 1,3 км, но это расстояние легко преодолевается локальным нарративом:

> Киров-Свердлову: «Яша! Где Вовка пиджак купил?» Свердлов-Ленину: «Володя, Серёга спрашивает, ты пиджак не в универе брал?» Ленин-обоим: «Нет, в ЦУМе!» И новый памятник: «Идиот, там же дорого!»[39].

[38] https://www.yaplakal.com/forum2/st/50/topic1336328.html

[39] https://ekabu.ru/119643-narodnye-nazvaniya-pamyatnikov-v-rossii___raznoe.html; https://ural-n.ru/p/anekdot-pro-pamyatniki.html

Упомянутый выше памятник «Человеку-созидателю» в Краснодаре, практически утративший официальное наименование, оказался включен в две такие связи. Его называют «мужем Авроры» (эта масштабная скульптура установлена перед одноименным кинотеатром), а также рассказывают о том, что он мистически связан с плотиной на водохранилище.

> Ещё кстати есть в народе мнение что памятник этот а точнее сам монумент смотрит в сторону водохранилища и защищает как бы город от прорыва дамбы! Много раз слышал такое поверье про этот памятник от людей[40].

Особенно востребованными оказываются тексты, которые не просто связывают отдельные объекты городом, но делают памятник «оппозиционером», союзником горожан в скрытом противостоянии советскому официозу. В этом протесте памятник может также соотноситься как с ближайшими объектами, так и с городским пространством в целом.

> Анекдот, привезенный из села Красного: там, на площади памятник Ленину стоит лицом к райкому партии и спиной к какому-то заводу (не помню, есть ли там какой завод? ювелирный, что ли? допустим, что есть такой). Вот рабочие и спрашивают Ленина: почему ты так стоишь, от нас отвернувшись? А Ленин отвечает: «Я вам доверяю, а вот за ними нужен глаз да глаз»[41].

> Спрашивают Ленина (памятник на площади Ленина): «Как идти к светлому завтра?» Он говорит: «Иди вон туда, за речку к Чкалову!» Спрашивают Чкалова: «Где светлое завтра?» А он говорит: «Вот вам!» [неприличный жест руками][42].

> Могилёв — памятник на советской площади ; сначала хотели ставить лицом к Днепру, но власти повернули к городу — что бы не говорили что мадам идёт топиться. В итоге называют Оксана бегущая с Лавсана — с местного трикотажного комбината[43].

> Бегущая с «Лавсана» (Могилевхимволокно) на КШТ (Комбинат шелковых тканей). Первый завод находится на юге в Заднепровье, там очень плохая экология. КШТ на севере города. Считалось, что там с экологией получше[44].

Крейг Бартон, обсуждая степень публичности памятников афроамериканского прошлого, показывает, какую роль играет пространственность памяти (spatialization of memory) [Barton 2001]. В нашем случае не только памятник делается более видимым благодаря вернакулярным наименованиям, но и окружающий его ландшафт делается видимым и «значимым». В некотором смысле официальная память и вернакулярный ландшафт уравниваются в правах — памятник и винный магазин оказываются на одном уровне городской иерархии, — а

[40] http://interesnoe.me/source-33025155/post-6389600
[41] Дневник Игоря Дедкова, 30 мая 1983. Prozhito.org
[42] КАА, 1961, Нижний Новгород. Зап. в Нижнем Новгороде Д. Ю. Дорониным, 5.03.2019.
[43] https://vk.com/wall-29534144_3480280
[44] https://mara-miroslava.livejournal.com/138202.html?thread=697818#t697818

когда магазин закрывают, официальный памятник становится еще и памятником утраченному вернакулярному ландшафту.

Памятник-ориентир

Наконец, памятник может включиться в систему городских объектов, превращаясь в ориентир: встречи назначаются «между ног у Ленина» (Новосибирск), «у ноги» (у памятника Бауману в Москве), «под варежкой» (Памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса, Екатеринбург), у «Яши с планшетом» (памятник Я. П. Гарелину, Иваново) и т. п. За редкими исключениями, этот ориентир не безусловен: он укоренен в повседневном знании определенной социальной группы и может оказаться непонятен представителям другого поколения или иногородним. Для восстановления коммуникации ее участники актуализируют нарратив, мотивирующий неформальный топоним. Приведем два характерных примера такой вернакулярной городской навигации, включающих в себя мотивацию топонима из городов Рудного (Костанайская область, Казахстан) и Егорьевска (Московская область).

– подскажите где в Рудном можно заказать печать
– За памятником трое непьющих около техникума в пятиэтажке справо если смотреть на нее-офис
– А где у нас памятник троим непьющим?
– Там их пятеро;-) , просто двое пьют;-) [45]

В г. Егорьевск раньше была остановка с народным названием «на троих», рядом в скверике стоял памятник где был изображен Ленин общающийся с матросом и солдатом, в ногах у них периодически появлялась пустая тара. Да и само название остановки пошло от названия памятника в народе[46]

Для того чтобы выполнять эту функцию, памятник не обязательно должен существовать физически. Так, в Иваново в конце 1980-х годов был установлен памятник Герою Социалистического Труда Валентине Голубевой, который был, по сути, не столько коммеморативным объектом, сколько объектом «монументальной пропаганды». К моменту создания нашей статьи он был уже почти тридцать лет как демонтирован (просуществовав всего около трех лет), но истории о том, как возникла вернакулярная номинация «валькины титьки», продолжают циркулировать в интернете — не в последнюю очередь благодаря одноименной «поэме» Максима Гурбатова [Кукулин 2015]. Памятник, отсутствующий на актуальной карте города, не исчез с ментальных карт его жителей. Он стал «местом памяти» об их советской молодости и городским ориентиром, на который ссылаются, когда нужно указать местоположение других объектов[47].

[45] https://ok.ru/rudnykz/topic/69192074988529
[46] www.yaplakal.com/forum2/st/50/topic1336328.html
[47] http://www.cursiv.ru/?publication=22568

На этом примере видно, что, кроме физического ориентира, неформальное название памятника выступает и в роли ориентира по истории города и его ключевых фигур. Например, стела на въезде в Абакан с изображением хакасской женщины (1980) получила свое неформальное название «стела Лора» или «Лорка» в честь «секретаря горкома КПСС Орешковой Ларисы Ивановны, которая участвовала в создании стелы»[48] — а через несколько лет оно стало вполне общепринятым и употребляется, в том числе, в официальных СМИ. В Кохтла-Ярве памятник «Слава Труду» (1967) назывался, судя по онлайн-данным, в зависимости от этнической принадлежности говорящего, «памятником Вийлупу и Люллеметсу» (руководитель градообразующего предприятия и первый секретарь горкома) либо «братьям Жилябиным» (шахтеры, которым предоставили слово на открытии памятника сразу после Вийлупа и Люллеметса)[49]; сегодня его чаще называют «два непьющих шахтера»[50].

«Нейтральный» памятник приобретает имя — и оно совершенно необязательно напрямую связано с его содержанием или историей: в Ростове-на-Дону «Памятник Стачки 1902 года» (1975) называют «памятником братьям Толстопятовым» — легендарной ОПГ, действовавшей в городе в 1968–1973 годы. В том же 1975 году, когда открыли памятник, члены группировки были расстреляны, а вернакулярное название памятника все еще циркулирует онлайн, подменяя памятник революционному движению памятником группе бандитов.

Заключение

Если взглянуть на вернакулярную топонимию не как на статичный объект из словаря «неформальной лексики», а как на практику вербальной интервенции, она оказывается способной высветить сложные отношения памятника с городом — его жителями, пространствами и историей.

Активное производство официальной памяти, отливающееся в формы монументальной пластики, радикально трансформирует город: в нем возникают крупные территории, выключенные из повседневной жизни благодаря своей сакральности. Никакие обыденные или снижающие сакральность действия на этой территории недопустимы, и в результате территория мемориала становится территорией забвения, оживая лишь в кратковременные периоды праздника.

Однако горожане преодолевают эту разорванность: как путем физического вторжения на сакральную территорию, так и при помощи вербальной интервенции, связывая памятник с другими городскими объектами при помощи вернакулярной топонимии и локальных нарративов. В зависимости от места памятника в пространстве и

[48] http://www.1000mest.ru/stela_lora

[49] http://retro-jarve.ucoz.com/publ/stati_iz_quot_severnogo_poberezhja_quot/dva_nepjushhikh /2-1-0-11

[50] http://www.yaplakal.com/findpost/46042609/forum2/topic1336328.html

нарративной системе города, его стилистических особенностей или степени соответствия его месседжа знаниям или ожиданиям той или иной социальной группы он может обрести вернакулярное наименование, стать почитаемым сакральным объектом или вовсе остаться незамеченным на ментальных картах горожан.

Этот способ интервенции, хотя и воспринимается как безопасный (в свете судебного дела о «бабах, жарящих крокодила» следует сказать — относительно безопасный), на самом деле проблематичен и вызывает ожесточенные дискуссии. Оказывается, что сакральность памятников может быть описана иерархически — одни объекты более «священны», чем другие. По отношению к первым вербальная интервенция недопустима, а по отношению ко вторым иногда даже приветствуется. Но даже в последнем случае легитимность вернакулярной топонимии не безусловна: она зависит от того, укоренен ли конкретный неофициальный топоним в городской традиции — причем не в любой, а в традиции именно той социальной группы (возрастной, гендерной, локальной), к которой относит себя конкретный участник дискуссии.

Перед нами постоянная, ситуативно изменяющаяся борьба авторитетов — официальных и вернакулярных — за право именования памятника. Как полагает Кен Фут, именно возбуждение таких дискуссий среди представителей все новых поколений горожан, а вовсе не воспроизводство одного и того же коммеморативного значения, может считаться одной из основных функций памятника [Foote, Azaryahu 2007: 131]. Интенсивность этой борьбы неудивительна, если мы вспомним о том, что вернакулярная топонимия может полностью изменить смысл памятника: превратить его из сакрального объекта в обыденный, из места памяти — в элемент городской навигации, из скульптуры с забытым и размывшимся значением — в оберег города, из мемориала победы в войне — в памятник винному магазину; иными словами, из «общего места памяти» — в «место общей памяти» [Колева 2015: 192], но уже совершенно не о том, о чем предполагалось его создателями.

Оказывается, что никакого «языкового сообщества города», разделяющего общую вернакулярную топонимию [Клименко, Рут 2018], не существует, как не существует устойчивых конкурирующих «мнемонических сообществ» [Wertsch 2008] и устойчивых «мест памяти» [Нора 1999]. Но даже оставаясь действующим «местом памяти», памятник в то же время постоянно превращается в совсем иной объект: ориентир, указатель, точку сборки локальной идентичности. Оказывается, что памятник — подвижный элемент городского ландшафта, продукт постоянной ситуативной пересборки пучка значений. Памятник, теряя связь с памятью, не только не прекращает быть частью города, но даже усиливает свои позиции в нем.

Литература

Борейко, Т. С., Шпак, Е. А. (2013). Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска). *Гуманитарные исследования, 2013*(1), 62–64.

Гейл, Я. (2012). *Города для людей*. М.: Альпина Паблишер.

Данелия, Г. (2017). *Безбилетный пассажир*. М.: Эксмо.

Дзамихова, Л. (2006, 11 февраля). Фотозагадку разгадал Владимир Зведре. *Кабардино-Балкарская правда (Нальчик)*. Доступ через: https://search.integrum.ru/ArtefactDocument.aspx?sourceId=4190&url=kbp_D20060211_N29_L2006022812463049_A00c.txt

Клименко, Е. Н. (2011). Неофициальная ономастика современного города (на примере г. Екатеринбурга). *Русская филология, 101*(6), 5–12.

Клименко, Е. Н., Рут, М. Э. (2018). Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте. *Вопросы ономастики, 15*(2), 210–222.

Кожевников, Р. Ф. (1983). *Скульптурные памятники Москвы*. М.: Московский рабочий.

Колева, Д. (2015). Памятник советской армии в Софии: первичное и повторное использование. *Неприкосновенный запас, 101*(3) 184–202.

Колягина, Н., Конрадова, Н. (2015). День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы. *Неприкосновенный запас, 101*(3), 135–149.

Костина, О. В. (2017). Скульптура оттепели. Смена вех: от пафоса к диалогу. В М. Эльзессер (Ред.), А. С. Курляндцева, Ю. Воротынцева (Сост.). *Оттепель,* 512–529. М.: Государственная Третьяковская галерея.

Кринко, Е. Ф., Хлынина, Т. П. (2014). Памятник на площади: жизнь в тени праздника. *Современные проблемы сервиса и туризма, 2014*(3), 27–35.

Кузьменко, Б. (2000, 3 ноября). Явление вождя народу. *Время-MN*. Доступ через: https://search.integrum.ru/ArtefactDocument.aspx?sourceId=48&url=mnv_D20001103_N187_L2005032404333998_A021.txt

Кукулин, И. (2015). *Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры*. М.: НЛО.

Мамедова, М. (2003, 16 октября). Георгий Данелия: «У КГБ на меня руки чесались». *Труд, 2003*(193). Режим доступа: http://www.trud.ru/article/16-10-2003/63272_georgij_danelija_u_kgb_na_menja_ruki_chesalis.html

Мониторинг актуального фольклора (2015). Бюллетень. Выпуск IX–X (сентябрь-октябрь 2015 года). Выпуск подготовили: А. С. Архипова, М. И. Байдуж, М. Д. Волкова, Д. Ю. Доронин, А. А. Кирзюк, В. Ф. Лурье, Д. А. Радченко, Д. С. Рыговский, А. С. Титков, Е. Ф. Югай. М.: РАНХиГС.

Нора, П. (Ред.), Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж. де, Винок, М. (Авторы) (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Поженян, Г. (1988, 7 мая). «Паук»? «каракатица»? *Советская культура, 1988*(7 мая), 7.

Полосина, А. (2015, 18 марта). Не «Фантомас», а кто? *Новая газета – Кубань*. Режим доступа: http://ngkub.ru/obshchestvo/ne-fantomas-a-kto

Попов, А. Д., Романько, О. В. (2019). Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 179*(2), 55–62.

Радченко, Д. А. (2016). «На человека стал похожим»: советские памятники в контексте украинского конфликта (2013–2015). В М. А. Ахметова, Н. В. Петров (Сост.), О. Б. Христофорова (Отв. ред). *Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова*, 435–461. М.: Форум.

Радченко, Д. А. (2016б). «Похороны рубля». *Мониторинг актуального фольклора. Бюллетень. Выпуск I (январь 2016 года)*. М.: РАНХиГС, 7–10.

Разумов, Р. В. (2011). Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе. *Ярославский педагогический вестник, I: Гуманитарные науки*(4), 169–172.

Ригль, А. (2018). *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. М.: ЦЭМ, V-A-C press.

Рождественская, Е. Ю. (2019). Комментарий на тему национальных режимов коммеморации. *Интеракция. Интервью. Интерпретация, 11*(17), 82–84.

Юдкина, А. (2015). Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте. В Д. В. Громов (Отв. ред.), А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина (Сост.). *Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре*, 256–279. М.: ИЭА РАН.

Barton, C. (2001). Duality and invisibility: Race and memory in the urbanism of the American South. In C. Barton (Ed.). *Sites of memory: Perspectives on architecture and race*, 1–12. Princeton, NJ: Princeton Architectural Press.

Bodnar, J. (1992). *Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century*. Princeton: Princeton University Press.

Coombes, A. E. (2003). *History after apartheid. Visual culture and public memory in a democratic South Africa*. Durham, NC: Duke University Press.

Ellis, B. (2002). Making a big apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *New Directions in Folklore, 2002*(6). Retrieved from http://www.temple.edu/isllc/newfolk/bigapple/.

Foote, K., Azaryahu, M. (2007). Toward a geography of memory: Geographical dimensions of public memory and commemoration. *Journal of Political and Military Sociology, 35*(1), 125–144.

Gabowitsch, M. (2018). Der Umgang mit sowjetischen Kriegsdenkmälern seit 1989/91: ein Überblick. In J. Danyel, T. Drachenberg, I. Zündorf (Hrsg.) *Kommunismus unter Denkmalschutz?* Worms: Wernersche Verlagsgesellschaf. (In German).

Howard, R. G. (2013). Vernacular authority: Critically engaging "Tradition". In R. Howard, T. Blank. *Tradition in the twenty-first century: Locating the role of the past in the present*, 72–99. Boulder, CO: Utah State University Press.

Huyssen, A. (2003). *Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory*. Stanford: Stanford University Press.

Marschall, S. (2013). Collective memory and cultural difference: Official vs. vernacular forms of commemorating the past. *Safundi: The Journal of South African and American Studies, 14*(1), 77–92.

Mitchell, K. (2003). Monuments, memorials, and the politics of memory. *Urban Geography, 24*(5), 442–459.

Osborne, B. S. (1998). Constructing landscapes of power: the George Etienne Cartier monument, Montreal. *Journal of Historical Geography, 24*(4), 431–458.

Oushakine, S. A. (2013). Remembering in public: On the affective management of history. *Ab Imperio, 2013*(1), 271–302.

Palmer, S. W. (2009). How memory was made: The construction of the memorial to the heroes of the battle of Stalingrad. *The Russian Review, 68*(3), 373–407.

Tai, H.-T. H. (2001). Remembered realms: Pierre Nora and French national memory. *The American Historical Review, 106*(3), 906–922.

Wertsch, J. A. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research, 75*(1), 133–156.

Winter, J. (2014). *Sites of memory, sites of mourning*. Cambridge: Canto Classics.

References

Barton, C. (2001). Duality and invisibility: Race and memory in the urbanism of the American South. In C. Barton (Ed.). *Sites of memory: Perspectives on architecture and race*, 1–12. Princeton, NJ: Princeton Architectural Press.

Bodnar, J. (1992). *Remaking America: Public memory, commemoration, and patriotism in the twentieth century.* Princeton: Princeton University Press.

Boreyko, T. S., Shpak E. A. (2013). Unofficial toponymics of a Soviet city (as exemplified by Omsk). *Studia Humanitaria, 2013*(1), 62–64. (In Russian).

Coombes, A. E. (2003). *History after apartheid. Visual culture and public memory in a democratic South Africa*. Durham, NC: Duke University Press.

Danelia, G. (2017). *Fare evader*. Moscow: Eksmo. (In Russian).

Dzamikhova, L. (2006, February 11). Vladimir Zvedre solves the photo puzzle. *Kabardino-Balkarian Truth (Nalchik)*. Access via https://search.integrum.ru/ArtefactDocument.aspx?sourceId=4190&url=kbp_D20060211_N29_L2006022812463049_A00c.txt. (In Russian).

Ellis, B. (2002). Making a Big Apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *New Directions in Folklore, 2002*(6). Retrieved from http://www.temple.edu/isllc/newfolk/bigapple/.

Foote, K., Azaryahu, M. (2007). Toward a geography of memory: Geographical dimensions of public memory and commemoration. *Journal of Political and Military Sociology, 35*(1), 125–144.

Gabowitsch, M. (2018). Der Umgang mit sowjetischen Kriegsdenkmälern seit 1989/91: ein Überblick. In J. Danyel, T. Drachenberg, I. Zündorf (Hrsg.) *Kommunismus unter Denkmalschutz?* Worms: Wernersche Verlagsgesellschaf. (In German).

Gehl, J. (2012). *Cities for people*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).

Howard, R. G. (2013). Vernacular authority: Critically engaging "Tradition". In R. Howard, T. Blank. *Tradition in the twenty-first century: Locating the role of the past in the present*, 72–99. Boulder, CO: Utah State University Press.

Huyssen, A. (2003). *Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory*. Stanford: Stanford University Press.

Klimenko, E. N. (2011). Unofficial onomastics of a contemporary city (as exemplified by the city of Ekaterinburg. *Russian Philology, 101*(6), 5–12. (In Russian).

Klimenko, E. N., Ruth, M. E. (2018). Unofficial urbanonyms of Ekaterinburg in sociolinguistic aspect. *Problems of Onomastics, 15*(2), 210–222. (In Russian).

Koleva, D. (2015). Monument to the Soviet army in Sofia: primary usage and re-usage. *Neprikosnovennyy zapas, 101*(3), 184–202. (In Russian).

Kolyagina, N., Konradova, N. (2015). Victory Day on Poklonnaya Hill: space structure and rituals. *NZ, 101*(3), 135–149. (In Russian).

Kostina, O. V. (2017). Sculpture of the Thaw. Change of Lanmarks: from pathos to dialougue. V. M. Elsesser (Ed.), A. S. Kurlyandtseva, Yu. Vorotyntseva (Cont.). *The Thaw,* 512–529. Moscow: State Tretyakov Gallery. (In Russian).

Kozhevnikov, R. F. (1983). *Statuary monuments of Moscow*. Moscow: Moscow Worker. (In Russian).

Krinko, E. F., Khlynina, T. P. (2014). A monument in the square: life in the shadow of a holiday. *Service & Tourism: Current Challenges, 2014*(3), 27–35. (In Russian).

Kukulin, I. (2015). The machines of a time that began to make a noise: how Soviet montage became a method of unofficial culture. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kuzmenko, B. (2000, November 3). The appearance of the leader to the people. *Time-MN*. Access via https://search.integrum.ru/ArtefactDocument.aspx?sourceId=48&url=mnv_D20001103_N187_L2005032404333998_A021.txt. (In Russian).

Mamedova, M. (2003, October 16). Georgiy Daneliya: "The KGB were itching to get me". *Labour, 2003*(193). Retrieved from http://www.trud.ru/article/16-10-2003/63272_georgij_danelija_u_kgb_na_menja_ruki_chesalis.html. (In Russian).

Marschall, S. (2013). Collective memory and cultural difference: Official vs. vernacular forms of commemorating the past. *Safundi: The Journal of South African and American Studies, 14*(1), 77–92.

Mitchell, K. (2003). Monuments, memorials, and the politics of memory. *Urban Geography, 24*(5), 442–459.

Monitoring of current folklore (2015). The bulletin. Issue IX–X (September — October 2015). Compiled by: A. S. Arkhipova, M. I. Baiduzh, M. D. Volkova, D. Yu. Doronin, A. A. Kirzyuk, V. F. Lurie, D. A. Radchenko, D. S. Rygovsky, A. S. Titkov, E. F. Yugai. Moscow: RANEPA. (In Russian).

Nora, P. (Ed.), Nora, P., Ozouf, M., Puymège, G. de, Winock, M. (Authors) (1999). *France the memory*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press. (In Russian).

Osborne, B. S. (1998). Constructing landscapes of power: the George Etienne Cartier monument, Montreal. *Journal of Historical Geography, 24*(4), 431–458.

Oushakine, S. A. (2013). Remembering in public: On the affective management of history. *Ab Imperio, 2013*(1), 271–302.

Palmer, S. W. (2009). How memory was made: The construction of the memorial to the heroes of the battle of Stalingrad. *The Russian Review, 68*(3), 373–407.

Polosina, A. (2015, March 18). Not "Fantômas", but whom? *The New Newspaper — Kuban*. Retrieved from http://ngkub.ru/obshchestvo/ne-fantomas-a-kto. (In Russian).

Popov, A. D., Romanko, O. V. (2019). Great Patriotic War monuments in the late Soviet era: the variety of social functions and practices. *Proceedings of Petrozavodsk State University, 179*(2), 55–62. (In Russian).

Pozhenyan, G. (1988, May 7). A "spider"? A "cuttlefish"? *Soviet Culture, 1988*(7 мая), 7. (In Russian).

Radchenko, D. A. (2016). "Started looking like a human": Soviet monuments in the context of the Ukrainian conflict (2013–2015). In M. A. Akhmetova, N. V. Petrov (Cont.), O. B. Khristoforova (Publishing Ed.). *Genius Loci: A collection of works in honour of the 75th birthday of S. Yu. Neklyudov*, 435–461. Moscow: Forum. (In Russian).

Radchenko, D. A. (2016b). "Burying the rouble". *Monitoring of current folklore. The bulletin. Issue I (January 2016)*. Moscow: RANEPA, 7–10. (In Russian).

Razumov, R. B. (2011). Precedent onyms in unofficial urban onomasticon. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin, I: Humanities*(4), 169–172. (In Russian).

Rigl, A. (2018). *Contemporary cult of monuments: its essence and emergence*. Moscow: CEM, V-A-C press. (In Russian).

Rozhdestvenskaya, E. (2019). A commentary upon national modes of commemoration. *Interaction. Interview. Interpretation, 11*(17), 82–84. (In Russian).

Tai, H.-T. H. (2001). Remembered realms: Pierre Nora and French national memory. *The American Historical Review, 106*(3), 906–922.

Wertsch, J. A. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research, 75*(1), 133–156.

Winter, J. (2014). *Sites of memory, sites of mourning*. Cambridge: Canto Classics.

Yudkina, A. (2015). The Tomb of the Unknown Soldier in Soviet memorial landscape. In D. V. Gromov (Publishing ed.), A. D. Sokolova, A. B. Yudkina (Cont.). *Memento Mori: funeral traditions in contemporary culture*, 256–279. Moscow: IEA RAS. (In Russian).